

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

О РОЛИ КВАНТУНСКОЙ АРМИИ В ОПРЕДЕЛЕНИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ И ВОЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЯПОНИИ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ. К 80-ЛЕТИЮ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА НА Р. ХАЛХИН-ГОЛ

Гагин Владимир Владимирович

Канд. ист. наук, старший научный сотрудник,

ВУНЦ ВВС «ВВА им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина», г. Воронеж

DOI: [10.31618/ESU.2413-9335.2019.6.61.43](https://doi.org/10.31618/ESU.2413-9335.2019.6.61.43)

АННОТАЦИЯ.

Обеспечивая экономические интересы «новых» финансово-промышленных кланов, высшие командиры Квантунской армии с их маниакальной верой в превосходство японского «сверхчеловека» втянули империю в изнурительную войну на бескрайних просторах Китая против плохо организованного и слабо вооружённого, но слишком многочисленного и самоотверженного противника. Затем, ради желания угодить предполагаемым союзникам в Европе и в США, с готовностью развязали боевые действия против советско-монгольских войск на Халхин-Голе. Последовавшим разгромом сухопутных войск немедленно воспользовались их конкуренты – близкие к флоту военно-политические круги Японии, в конце 1930-х гг. значительно укрепившие свои позиции на внутриполитическом Олимпе, т.к. командование армией было вынуждено подписать пакт о ненападении с СССР. Это позволило морякам усиленно готовиться к войне в южных морях, начавшейся 7 декабря 1941 г.

ABSTRACT.

Providing the economic interests of the «new» financial-industrial clans, the top commanders of the Kwantung Army, with their manic faith in the superiority of the Japanese superman, dragged the empire into an exhausting war in China's vast expanses against a poorly armed, even worse managed, but innumerable and selfless opponent. Then, for the sake of wanting to please too many, both in Europe and in America, they willingly and willingly hurt their heads against the Soviet-Mongolian troops at Khalkhin Gol. This immediately and with great joy took advantage of the military-political circles close to the fleet, strengthening their positions – and having ensured that the command of the army, under the grinding of teeth, signed a non-aggression pact with the USSR. Thus, the sailors untied their hands for the war in the southern seas, which began on December 7, 1941.

Ключевые слова: императорская Япония, Квантунская армия, Номонганский инцидент, река Халхин-Гол.

Keywords: Imperial Japan, Kwantung Army, Nomongan Incident, Khalkhin-Gol River.

После японской оккупации Маньчжурии в 1931-32 гг. военно-политическая ситуация на Дальнем Востоке резко изменилась и на границе Советского Союза, на всем ее протяжении, кроме советско-монгольского участка, РККА противостояли уже не те слабые в военном отношении разрозненные китайские войска, которые были легко разгромлены на КВЖД в 1929 г., а «до зубов» вооруженная японская императорская Квантунская армия. На тот момент ни СССР, ни Япония не стремились к серьезным боевым действиям, но резкие различия в политической направленности, несовместимость экономических интересов и взаимные претензии друг к другу двух стран еще со времен японской интервенции 1918-1920 гг., объективно вели к неизбежному обострению обстановки [5].

Китай и Япония не признавали провозглашенной в 1921 г. независимости Монгольской Народной Республики (МНР) и спорная демаркация границ, лишь усугубляла ситуацию [9].

Японские военные только в 1935 г. несколько раз провоцировали Монголию, как бы испытывая на прочность слабого противника, но И.В. Сталин, обеспокоенный угрозой своему дальневосточному союзнику, дал команду заключить с Монголией

Протокол о взаимопомощи. По условиям этого документа, подписанных советской делегацией в столице МНР Улан-Баторе 12 марта 1936 г., Советский Союз брал на себя обязательство защищать территорию Монгольской Народной Республики от любых посягательств, с применением всех сил и средств, включая и военные. На этом основании с сентября 1937 г. в Монголии разместилась группировка советских войск – 57-й особый корпус (57 ОК), в составе которого было 30000 военнослужащих, 265 танков, 280 бронемашин и 107 боевых самолетов разного назначения.

Летом 1938 г. японские генералы сделали попытку немного «уточнить» линию границы с Советским Союзом в свою пользу, захватив две сопки в районе озера Хасан. Но в ходе десятидневных боев японцы были отброшены с большими потерями, и эта неудача заставила командование Квантунской армии прекратить провокации на границах СССР [10].

В 1938-1939 гг. в штабе Квантунской армии был разработан агрессивный План действий № 8 (План «Хати-го»), в котором предусматривались наступательные операции против Советского Союза в районе рек Уссури и Амур, а также в Забайкалье. До утверждения Плана № 8 в Квантунской

армии не собирались вести боевые действия на западных границах Маньчжурии. По мнению командования Квантунской армии, обострение обстановки на границе началось после заключения в ноябре 1934 г. договора о военной помощи между Москвой и Улан-Батором. МНР, получив новую боевую технику и вооружение, под руководством советских специалистов стала укреплять границы с Маньчжуо-Го. Немедленно начались мелкие инциденты с войсками марионеточного императора Пу И. Эти стычки перерастали в серьезные бои между частями Квантунской армии и Монгольской Народной Армии. Японское командование небезосновательно посчитало, что СССР пытается использовать территорию МНР в качестве плацдарма для продвижения коммунистических идей в регионах Внутренней Монголии, в Китае и Маньчжуо-Го [15].

Зарубежные и отечественные историки до настоящего времени не могут сойтись во мнении, зачем японское правительство развязало вооруженный конфликт летом 1937 г. на границе с Советским Союзом. Некоторые даже считают, что это было инициативой нескольких командиров дивизионного уровня. Однако будет логично усмотреть связь начала событий у оз. Хасан с тем обстоятельством, что в июне 1937 г. к власти в Токио пришло правительство тесно связанного с императорским двором принца Ф. Коноэ, имевшего существенные личные финансовые интересы в концерне «Сумитомо». Этот концерн вместе с концерном «Мицуи» считался «старым аристократическим кланом» и осуществлял поставки для японского императорской флота. Со «старыми» кланами в экономике страны конкурировали так называемые «новые концерны» – «Мицубиси», «Ясуда», «Марубэни», «Ниссё Иваи», которые ориентировались на регион Северо-Восточного Китая и, в том числе, поэтому были близки к высшему командованию миллионной Квантунской армии. Остроту положению добавляла извечная для японских военных полуофициальная конкуренция «флотских» и «сухопутных» буквально во всех формах и проявлениях жизни японского общества, которая, зачастую приобретала черты гипертрофированного антагонизма.

Еще версальско-واشنطنская система отчетливо показала, что военно-политические круги США, Англии, Франции и Японии не только не признавали Советского государства, но и пытались посредством вооруженной интервенции удушить и расчленить Советскую страну, используя в том числе неумеренный аппетит молодого японского империализма. По некоторым оценкам, судьба любого японского правительства того времени зачастую решалась в главном штабе Квантунской армии. Начальник ее штаба генерал Х. Тодзё вполне официально рассматривал обстановку в Китае как подготовительную, имея в виду неминуемую войну с СССР, находя необходимым превентивно разгромить армии Чан Кайши в Нанкине для обеспечения безопасности японских тылов на континенте. Неофициально же генерал Тодзё распространял свои

имперские амбиции до реставрации императорского Китая и маньчжурской династии Цин под собственным безраздельным руководством вплоть до «естественного» вхождения в эту новую, «авторскую», китайскую империю самой Японии. Он откровенно призывал своих подчиненных методично и жестко пресекать попытки Москвы вмешиваться в китайские события, а если русские не отреагируют правильно на предупреждения, провести военную операцию с ударом в Северо-Восточном Китае с направлением на Иркутск [23]. Хорошо известно, что еще на Вашингтонской конференции в 1922 г. были попытки США и Японии поставить на обсуждение конференции вопрос о КВЖД, в надежде завладеть этой важнейшей магистралью. Однако они вызвали законный протест Советского правительства, которое заявило о своих правах на КВЖД, и никаких решений по этому вопросу принято так и не было [13].

7 июля 1937 г. Квантунская армия устроила известную провокацию у моста Марко Поло близ Пекина и начала жестокое и бесчеловечное освоение – оккупацию китайских земель, давно запланированная интервенция с целью создания будущей китайской империи генерала Тодзё. Одновременно «новые концерны» широким фронтом приступили к последовательному освоению захватываемых территорий.

Само начало войны уже выявило однозначно отрицательную реакцию ведущих западных государств на японскую интервенцию и оккупацию Китая. Западу гораздо больше понравилось бы наступление Тодзё на север в сторону советского Дальнего Востока с тем, чтобы Квантунская армия на максимально возможный срок «увязла» в бескрайней ледяной сибирской пустыне. Противоречия между Японией и США из-за сфер влияния на Востоке возникли задолго до начала войны. Однако до нападения Японии на Китай (1937 г.) они не приводили к военному конфликту, так как американский империализм придерживался политики сговора с японским империализмом, толкал его на путь войны с СССР, надеясь отвлечь внимание Японии от Китая, ослабить ее в этой войне и тем самым расчистить себе путь к монопольному господству в бассейне Тихого океана. Об этой политике по «умиротворению» японского империализма американский социолог Дж. Маршалл писал, что США стремились «использовать Японию для того, чтобы обескровить СССР» [6]. Когда Япония напала на Китай и начала прибирать его к рукам, отношения между США и Японией стали ухудшаться и обе страны перешли к подготовке открытой вооруженной борьбы. По мнению многих японских историков, причины охлаждения США состояли в том, что: во-первых, японская агрессия полностью опровергала расчеты США на крупнейший в мире Китайский рынок. Во-вторых, она означала, что Япония захватила контроль над страной, являвшейся самым вожделенным для Белого Дома и Капитолия объектом вложения капитала. В-третьих, если в результате агрессии Японии удалось бы освоить богатейший китайский рынок, это фактически закрыло

бы американский экспорт хлопка и железного лома в Страну восходящего солнца. В-четвертых, обосновавшись в Китае, Япония захватила бы чрезвычайно выгодные позиции, чтобы изолировать, оторвать от США Юго-Восточную Азию, откуда американские заводы получали каучук, олово, хину, манильскую пеньку и другие важнейшие стратегические материалы. Захват Японией Китая усилил бы также опасность полной потери Соединенными Штатами рынков на Тихом океане [7].

Однако, благодаря дальновидной и рассчитанной на опережение политике Москвы, развитие событий пошло совершенно иным путем, оказавшимся неприемлемым как для Запада, так и для Японии. На основе подписанныго 21 августа 1937 г. сроком на пять лет советско-китайского договора Советский Союз начал интенсивно укреплять экономические связи с Китаем, оказывая ему крупномасштабную финансовую и военную помощь. Правительство СССР предоставило Китаю три займа на общую сумму 250 млн. долл., которые реализовывались в порядке советских поставок Китаю боевой техники, вооружения и снаряжения и, что самое главное, И.В. Сталин дал распоряжение разрешить советским гражданам-добровольцам участвовать в боевых действиях против японских захватчиков в составе китайской армии. Это позволило укрепить авиацию Чан Кайши великолепно подготовленными летчиками истребительной и бомбардировочной авиации, а также весьма квалифицированными командирами пехотных, танковых и артиллерийских частей [3].

Перед Квантунской армией замаячила катастрофическая угроза ведения войны на два фронта. Это прекрасно поняли в государственных и политических кругах Японии. К такому повороту событий даже огромная Квантунская армия была совершенно не готова и 1 сентября 1937 г. японский министр иностранных дел К. Хирота даже пожаловался послу США в Японии Йону Грю на крайне неподходящий момент заключения договора между Сталиным и Чан Кайши, которые имели возможность заключить этот пакт в любое другое время, но очень точно выбрали данный специфический момент и обстановку, для того чтобы сделать это [22].

Вступив в войну с Китаем, Японии было необходимо выстраивать новую дипломатическую линию в отношениях с Западом и СССР. В Токио сделали выбор в пользу заключения военно-политического союза с Германией и Италией – они на тот момент не претендовали на какой-либо особый статус в китайских делах, зато приобретали в лице Японии союзника для борьбы с США, Великобританией и Францией на Тихом океане. Союз с Японией давал Германии возможность угрожать Великобритании войной одновременно в Европе и на Дальнем Востоке, а Италия, участвуя в этом союзе, рассчитывала на напряжение сил США, Великобритании и Франции на Дальнем Востоке, в то время как она будет обеспечивать свои интересы в регионах традиционного влияния – Средиземноморье и на Ближнем Востоке. Успешные боевые действия японцев, захвативших Север и Центральную

часть Китая, сулили немцам соответствующие экономические компенсации в обмен на отзыв военных советников и прекращение поставок оружия Китаю, и в феврале 1938 г. Германия признала японское марионеточное государство Маньчжоуго, а в июне отозвала своих советников из Китая. С начала июля 1938 г. прекратились и поставки оружия. Затем, 20 июня 1939 г., было заключено специальное соглашение о регулировании отношений между Японией и Германией на оккупированной территории Китая [18].

Вместе с тем, немецкие союзники ждали от японской военщины самых активных действий в подготовке агрессии против Советского Союза. Японское правительство это прекрасно понимало, и, учитывая тот факт, что немцы предпочитали иметь дело в Берлине с военным атташе Х. Осима, генеральный штаб вооруженных сил Японии поручил ему провести встречу с министром иностранных дел Германии И. Риббентропом. На состоявшейся в июне 1938 г. встрече стороны определили главное в развитии двустороннего сотрудничества – договоренность о совместных действиях против Советской России [1].

Германская военно-техническая помощь была обширной и разнообразной – достаточно сказать, что именно немцы создали в Японии небывалые там дотоле воздушно-десантные войска [20].

Синхронно сильнейшее давление на Японию на «советском направлении» осуществляли Вашингтон и Лондон, в большой тревоге по поводу утраты своих позиций в Китае, где японские вооруженные силы наступали с большим успехом. Тогда же, в июне 1938 г. англичане настояли на неофициальных переговорах министра иностранных дел Японии И. Угаки с послом Великобритании в Токио Р. Крейги [21]. Запад «единым фронтом» настоятельно толкал Японию на конфронтацию с Советским Союзом, и собравшийся в резиденции премьера Ф. Коноэ Совет пяти министров (сам Коноэ, министр иностранных дел – И. Угаки, министр финансов – С. Икэда, военный министр – С. Итагаки и морской министр – М. Ёнай) [11] после детального обсуждения сложившейся ситуации пришел к выводу о необходимости предпринять какие-либо значимые практические действия, которые подтверждали бы твердость империалистической Японии проводить ту внешнюю политику, которой от неё ждали как в Германии, так и в другом лагере: в Великобритании и США – все надеялись на развертывание Токио военных операций против Советского Союза. Считается, что именно после того памятного заседания Совета пяти министров японский генеральный штаб привел в действие свой наспех разработанный план развязывания пограничного конфликта против СССР в районе оз. Хасан [19].

Японское правительство, уступая требованиям своих военачальников, демонстрировало явное нежелание быть вовлеченным в большой европейский конфликт. Глава правительства принц Ф. Коноэ настаивал на том, чтобы обязательства Японии оказывать союзническую помощь Германии не были столь незамедлительными и категоричными.

Более того, командование Квантунской армии требовало от Токио в кратчайшие сроки добиться от Берлина окончательного и безоговорочного отзыва советников из армии Чан Кайши и прекращения экспорта китайцам немецкого оружия. В свою очередь, активный наим Германии с целью превращения трехстороннего идеологического, антикоминтерновского пакта в реальный военный союз, был направлен в первую очередь против СССР [4]. Уступая давлению руководства Квантунской армии, правительство Японии решило направить усилия на захват приморских регионов Китая, отвлекая внимание гитлеровской Германии, а главным образом Соединенных Штатов, Великобритании и Франции усилением военной активности на советско-маньчжурской границе. Именно этот отвлекающий маневр вылился в поражение японских войск в военном конфликте у озера Хасан [2]. Поэтому уже весной следующего года японские военные решили «попытать счастья» в другом месте. На этот раз стрелы на штабных картах в японских штабах нацелились на 70-километровый участок монгольско-маньчжурской границы вдоль реки Халхин-Гол. Как и в прошлый раз (на озере Хасан), планировалась частично показная, а частично провокационная вылазка, и речь о широкомасштабной войне с Советским Союзом вовсе не шла: локальная «разведка боем», но с привлечением более значительных сил и средств.

Японцы, имея намерение строить железную дорогу Солунь – Халун-Аршан – Хайлар, направленную к границе СССР, были не прочь «подправить» конфигурацию пограничного пунктира на карте – в случае войны с Советской Россией эта ветка приобретала стратегическое значение. Однако прокладывать ее можно было только вдоль западных отрогов хребта Большой Хинган, стоящих на относительно небольшом расстоянии от границы с Монголией. У реки Халхин-Гол это расстояние на ряде участков составляло менее 10 км, поэтому с началом военных действий дорога сразу оказалась бы под обстрелом артиллерии РККА и с монгольской территории могла быть легко перерезана. Японцы хотели бы отодвинуть границу на два-три десятка километров к западу. Советское командование, несомненно, знало об этих планах (дорогу уже начали строить) и готовилось им помешать, если дело все-таки дойдет до боевых действий [17].

Обосновывая свои агрессивные намерения, японцы заявили, что согласно имеющейся у них карты XIX в. граница между Монголией и Маньчжурией должна проходить по реке Халхин-Гол. МНР и Советский Союз объявили эти сведения недействительными и настаивали на сохранении прежней линии разграничения. Тогда японцы решили применить силу – все ту же Квантунскую армию.

Другая веская причина, повлекшая за собой вооруженный конфликт – победитель получал дополнительные «козыри» на дипломатических переговорах, которые активно велись как Японией, так и Советским Союзом накануне Второй Мировой

войны. К тому же японские военные желали взять реванш за разгром на оз. Хасан, а в России хорошо помнили и о бесчинствах японских интервентов на Дальнем Востоке и Камчатке в Гражданскую войну, и о поражении в русско-японской войне.

Все это вместе взятое привело к тому, что пустынный и безлюдный участок земли между рекой Халхин-Гол и горами Большой Хинган стал ареной упорной и кровопролитной необъявленной войны, продолжавшейся более трех месяцев [14], когда с мая по сентябрь 1939 г. в р-не Халхин-Гола на монголо-маньчжурской границе происходили военные действия между японо-маньчжурскими войсками и военной группировкой СССР и МНР. Причиной Номонганского (так его называют в мире) конфликта было стремление японских империалистов прорваться на территорию Союза ССР, захватить участок Транссибирской железной дороги и попытаться отрезать Дальний Восток от Советской России. Также целью Квантунской армии являлось присвоение части территории Монгольской Народной Республики и насилиственное изменение в пользу вассального государства Японии – Маньчжуо-го монголо-маньчжурской границы. СССР, связанный с МНР протоколом о взаимной помощи от 12 марта 1936 г., оказал дружественной стране вооруженную помощь и защитил её территориальную неприкосновенность и независимость. Рабоче-крестьянская Красная Армия своими действиями в районе р. Халхин-Гол засвидетельствовала перед всем миром свой авторитет и значение пактов о взаимопомощи, под которыми стоит подпись СССР. Советско-монгольские войска героически отражали многократные попытки японцев переходить в наступление. Авантура японских империалистов окончилась для них с большим позором: японские войска были окружены и разбиты наголову [8]. Японцы потеряли в этих боях первоклассную армию и свыше 660 самолетов. Только в период с 20 по 29 августа при ликвидации остатков квантунской группировки советско-монгольские войска захватили огромное количество военных трофеев [16]. Военные действия были окончательно прекращены 16 сентября 1939 г. в соответствии с соглашением, заключенным в результате переговоров между японским послом Того и народным комиссаром иностранных дел В.М. Молотовым.

Боевые действия на реке Халхин-Гол продемонстрировали со всей очевидностью международному сообществу агрессивную колониальную политику Японии и стремление МНР при военной поддержке СССР отстоять свою независимость.

Советский Союз выполнил свои обязательства согласно двухстороннему договору между СССР и МНР о дружбе и взаимопомощи [12].

Мнение об огромном влиянии японской военщины на государственную политику «Страны восходящего солнца», представленной командованием Квантунской армии, размещенной в Маньчжуо-го, получило еще одно историческое подтверждение в 1945 г., когда Красная Армия в кратчайшие сроки разгромила Квантунскую армию, что привело к немедленной капитуляции Императорской Японии.

Этот факт – еще один неопровергимый довод в современном споре о значении атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки стратегической бомбардировочной авиацией США. Именно в результате безоговорочной победы Красной Армии над Квантунской армией Император Хирохито объявил решение о сдаче на милость победителям, а вовсе не из-за гибели в атомном пламени еще двух небольших провинциальных городов. Гибели, которая на фоне чудовищной трагедии – сотен тысяч заживо сожженных американскими ковровыми бомбардировками людей в Токио и десятках других важнейших промышленных, экономических и культурных центрах Японии – никак не выглядела чем-то выдающимся.

Милитаристская Япония, получив серьезный урок в 1939 г., больше не отважилась вступать в военные конфликты с СССР, и А. Гитлер тщетно ожидался открытия «второго фронта» против СССР на Дальнем Востоке в годы Великой Отечественной войны.

Список литературы:

1. АВП СССР. Ф. 4366 (фонд Международного военного трибунала для Дальнего Востока). Д. 13. Л.236, 237. Цитируется по: Военный конфликт в районе озера Хасан: взгляд через шесть десятилетий / Под общ. редакцией В.Н. Кузленкова. М.: Редакционно-издательский центр Генерального штаба Вооруженных сил РФ. – 2003. – С. 48.
2. Балакин В.И. Военный конфликт 1938 г. у озера Хасан: международный аспект / Военный конфликт в районе озера Хасан: взгляд через шесть десятилетий. Под общ. редакцией В.Н. Кузленкова. М.: Редакционно-издательский центр Генерального штаба Вооруженных сил РФ. – 2003. – С. 44-49.
3. Внешняя политика СССР / Сборник документов. Т.4. 1935 – июнь 1941 г. М.: 1946. – С. 290-291.
4. Внешняя политика Советского Союза. 1948 г. Документы и материалы. М., 1949. – С.459.
5. Гагин В.В. Воздушная война в Китае и Монголии / В.В. Гагин. – Воронеж, 1999. – 84 с.
6. Джордж Марин. Базы и империя. Карта американской экспансии. М.: Издательство иностранной литературы, 1948. – С. 131.
7. История войны на Тихом океане. Т. III. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. – С. 190-191.
8. Квантунская армия (японская) // БСЭ / под ред. Б.А. Введенского. 2-е изд. Т.20. М.: Большая Советская энциклопедия. 1953. – С. 462.
9. Кодратьев В. Халхин-Гол: война в воздухе. М.: Техника – Молодежи, 2002. – 64 с.
10. Коломиец М. Бои у реки Халхин-Гол. М.: Стратегия КМ, – 2002. – 80 с.
11. Коротаев В.Н. Реакция Запада на военный конфликт у озера Хасан (по документам иностранного происхождения РГВА) / Военный конфликт в районе озера Хасан: взгляд через шесть десятилетий. Под общ. редакцией В.Н. Кузленкова. М.: Редакционно-издательский центр Генерального штаба Вооруженных сил РФ. – 2003. – С. 98-101.
12. Малая советская энциклопедия. Т. 11. М.: ОГИЗ СССР, 1947. – С. 402.
13. Морской Атлас. Т. III. Военная история. Ч.1. Описания к картам. М.: Воениздат, 1957. – С. 942.
14. Рагинский М.Ю. Милитаристы на скамье подсудимых. М.: Юридическая литература, 1985. – 365 с.
15. РГВА. Ф. 29. Оп. 37. Д. 22. Л. 54.
16. РГВА. Ф. 33113. Оп. 1. Д. 676. Л. 276-278.
17. Сабуро Хаяси. Японская армия в военных действиях на Тихом океане. М.: Иностранная литература, 1964. – С. 24-37.
18. Скайя У. Великая европейская война и подъем радикального синтоистского ультранационализма в Японии. Берегиня. 777. Сова, 2016, №4 (31). С. 266-275.
19. Спильман К. Размышления о фашизме в новейшей истории Японии (1918-1941). Берегиня. 777. Сова, 2016, №4 (31). С. 276-287.
20. Ямабэ М. Парашютисты японского флота. Пер. с японского. Под. ред. ген.-майора И.Я. Лисова. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. – С. 6-7.
21. Documents on British Foreign Policy (1919-1939). Third Series. Vol. 8, 9. L.: 1955. №1. – PP. 1-12.
22. Grew J. Ten Years in Japan. N.Y. 1944. – P. 191.
23. Ikle F. German-Japanese Relations 1936-1940. N.Y. 1956. – P. 55.

ИСТОРИЯ МИНИАТЮРИСТОВ И КАЛЛИГРАФОВ БУХАРЫ (XIX-XX ВЕКОВ) HISTORY OF MINIATURISTS AND CALLIGRAPHS OF BUKHARA (XIX-XX CENTURIES)

*Джусраев Хусен Хайруллаевич,
соискатель кафедры истории Бухарского государственного университета*

РЕЗЮМЕ.

В данной статье идёт речь о широком распространении в Средней Азии искусства каллиграфии с начала времен Тимур и тимуридов, развития искусства каллиграфии началось со столицы Хуросона в Герате, затем искусство перешло в Бухару где образовались школы каллиграфов. Автор делится своими рассуждениями о письменных источниках и научной литературы представителей школ каллиграфии и оформление книги.